

УДК 340.11

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-244-251

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ КАТЕГОРИЙ ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ И ДОБРОСОВЕСТНОСТИ

Лузик А. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

На основании анализа положений законодательства, доктринальных суждений отечественных ученых-юристов исследовано соотношение категорий «добросовестность/недобросовестность» и «злоупотребление» в праве, сделан вывод о трех возможных вариантах их корреляции. На примере норм семейного, трудового и уголовного законодательства раскрыты вопросы отраслевого применения концепции злоупотребления и указано, что, не смотря на законодательную лаконичность в части закрепления запрета на злоупотребление, данная категория нашла достаточное применение на практике. Также проанализирована специфика принципа добросовестности в гражданском праве, отмечены его объективная и субъективная стороны, дана оценка понимания добросовестности как морально-нравственной категории. Рассмотрено межотраслевое взаимодействие категорий «злоупотребление» и «недобросовестное поведение», выделены аспекты, которые являются объединяющими для указанных правовых явлений, сделан вывод об универсальности применения запрета злоупотребления правом.

Ключевые слова: злоупотребление правом, добросовестность, недобросовестное поведение, принцип права, презумпция добросовестности, правовая категория, правомерное поведение, осуществление права.

Вопрос о соотношении недобросовестности и злоупотреблении правом является важным элементом для всестороннего исследования и понимания правовой категории «злоупотребление», который не имеет однозначного ответа в науке и практике. Во многом это обусловлено тем, что данная проблематика изучается в большей степени в рамках отрасли гражданского права, что существенно сужает сферу поиска истины. Категория «злоупотребление» в праве зачастую воспринимается и употребляется в качестве противоположности добросовестности, и как синоним недобросовестному поведению. Не вызывает сомнения, что запрет злоупотребления правом и требование о добросовестности находятся в определенной взаимосвязи, степень которой мы постараемся установить в рамках данного исследования.

Ю. Б. Фогельсон указывает на тенденцию к отождествлению недобросовестности и злоупотребления правом, а также применение судами расширительного толкования злоупотребления правом [1, с. 103].

Вывод о том, что «принцип добросовестности регулирует не только случаи злоупотребления правом, но и ситуации, где оно отсутствует, либо, когда ст. 10 ГК РФ своим содержанием не справляется с возникшим казусом», был сделан А. В. Волковым [2, с. 49].

А. В. Егоров рассматривает злоупотребление правом как «антипод добросовестности», обосновывая такой вывод статьей 10 Гражданским кодексом (далее – ГК РФ) [3].

Е. Е. Богданова подчеркивает, что злоупотреблению правом «характерна особо злостная недобросовестность – неизвинительная недобросовестность ... в таких случаях основанием защиты нарушенных прав следует считать правонарушение, а за-

щиту осуществлять посредством привлечения к гражданско-правовой ответственности субъектов, злоупотребивших правами». Извинительная же недобросовестность, по мнению указанного автора, как «поведение, не представляющее для общества особой злостности», не является злоупотреблением правом, и не влечет наступления мер гражданско-правовой ответственности [4, с. 14].

На основании анализа позиций отечественных исследователей, можно сделать вывод о следующей корреляции указанных понятий:

- 1) полное отождествление недобросовестного поведения и злоупотребления;
- 2) недобросовестность – общее, а злоупотребление - частное (то есть злоупотребление является частным случаем недобросовестности);
- 3) злоупотребление – общее, а недобросовестность частное (то есть недобросовестность выступает видом (формой) злоупотребления).

Однако именно третья позиция была в большей степени воспринята отечественной судебной системой, после того как в 2008 году Высший арбитражный суд РФ сделал соответствующий вывод [5].

Во многом суждение о том, что недобросовестность является вариантом злоупотребления, было обусловлено необходимостью судов реагировать на недобросовестное поведение, отсутствием в законе принципа добросовестности и наличием законодательного запрета на злоупотребление правом [1, с. 106]. Однако после реформы Гражданского кодекса РФ, произошедшей в марте 2013 г., принцип добросовестности уже получил нормативное закрепление [6]. Как предполагает А. М. Ширвинд, такое нововведение «может стать вехой в истории российского права или, наоборот, остаться незамеченным» [7].

Стоит указать, что несмотря на то, что российское законодательство оперирует термином «злоупотребление» применительно различным отраслям, оно не содержит легальной дефиниции понятия злоупотребления правом. Лишь в ст. 10 ГК РФ содержится сложная для восприятия и правоприменения формулировка о том, что не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу (то есть шикана), действия в обход закона с противоправной целью и иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом). Механическое распространение гражданско-правового подхода к злоупотреблению правом было бы не верным, поэтому считаем, что злоупотребление, в общеправовом контексте, следует охарактеризовать как деяние, обладающее следующими признаками: возможное причинение вреда другому субъекту, получение в этой связи необоснованных преимуществ, неправомерное ограничение прав другого управомоченного субъекта; нарушение целей, установленных законом. Н. А. Дурново определяет злоупотребление как «поведение лица, соответствующее правовым предписаниям и пределам осуществления права, но не отличающееся социальной полезностью и осуждаемое общественным мнением» [8, с. 4].

Деяния, обозначаемые законодателем в качестве злоупотреблений, встречаются в отраслях как частного, так и публичного права.

Например, в Семейном кодексе РФ, в целях защиты прав ребенка, по отношению к которому допущено злоупотребление, оно прямо закреплено в контексте злоупотребления родительскими правами как основание для лишения родительских прав или отмены усыновления. Вместе с тем, как Верховный Суд РФ, так и ряд исследователей, допускают более широкое понимание и применение категории «злоупо-

требление», а именно использование родительских прав в ущерб интересам ребенка [9].

Несмотря на то, что Трудовой кодекс РФ (далее – ТК РФ) не содержит прямого закрепления запрета злоупотребления правом, в статьях 355 и 356 ТК РФ упоминается термин «злоупотребления» наряду с действиями (бездействиями), а Конституционный Суд РФ в своем определении указал, что общеправовой принцип недопустимости злоупотребления правом в полной мере подлежит распространению на сферу трудовых отношений [10]. Упоминание о необходимости соблюдения общеправового принципа недопустимости злоупотребления правом, в том числе и со стороны работников, содержит и постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 №63.

В рамках Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) злоупотребление закреплено в рамках названия семи составов преступлений: злоупотребления при эмиссии ценных бумаг (статья 185 УК РФ), злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд (статья 200.4 УК РФ), злоупотребление полномочиями (статья 201 УК РФ), злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (статья 201.1 УК РФ), злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами (статья 202 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями (статья 285 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (статья 285.5 УК РФ). Кроме того, состав преступления, предусмотренный статьей 159 УК РФ, рассматривает злоупотребление доверием в качестве варианта объективной стороны мошенничества. При этом, как указывает М. В. Арзамасцев, «действующие уголовно-правовые запреты... не охватывают всех разновидностей злоупотреблений ... поскольку в законе почти невозможно учесть все виды прав, использование которых может влиять на охраняемые права других лиц. Соответственно, чаще всего в законодательном описании признаков преступлений отражаются охраняемые объекты (в том числе права потерпевшего), а не формы злоупотребления вторым участником общественных отношений своими субъективными правами, которые могут приобретать – вследствие его свободных действий – разнообразные черты» [11, с. 185–188]. Например, разглашение тайны усыновления (статья 155 УК РФ), совершенное лицом из корыстных побуждений, в определенной степени, выражено в реализации субъектом преступления своего права на распространение информации, которая в силу прямого умысла и негативных последствий приобрела повышенную степень общественной опасности.

О недопустимости злоупотребления процессуальными правами указано и в рамках процессуального законодательства, например, в ст. 244.22 Гражданского процессуального кодекса РФ.

Понятия добросовестности и недобросовестности также не имеют точной формализации в рамках законодательства. Отечественное право выделяет добросовестность в качестве одного из базовых принципов и «ориентиров поведения» всех участников имущественного оборота [12], прямо закрепленного в действующем гражданском законодательстве (п. 3 статьи 1 ГК РФ). Данный принцип обеспечивается в рамках гражданского права путем введения запрета на незаконное и недобросовестное поведение (п. 4 статьи 1 ГК РФ)

Поскольку законодательство не содержит критериев недобросовестного поведения, В. Л. Харсиева указывает, «что суды формируют его казуистически, путем указания на конкретные случаи недобросовестного поведения сторон при исполнении обязательств» [13, с. 178].

Понятие добросовестности зачастую наделяют морально-нравственным смыслом. Например, В. П. Грибанов пишет, что: «добросовестность в его буквальном значении выражает обязанность соблюдения правил морального порядка» [14, с. 209]. Рассматривая добросовестность участников договорных отношений, Е. Е. Богданова сделала вывод, что под данным понятием следует понимать «сложившуюся в обществе и признанную законом, обычаем, судебной практикой систему представлений о нравственности поведения сторон договора», которую следует оценивать на основе противопоставления категорий добра и зла. Поведение, соответствующее представлению о добре, следует считать добросовестным, а отражающее представление о зле – недобросовестным [4, с. 11].

Уязвимым местом сторонников подхода к добросовестности как морально-нравственной категории, нам представляется то, что система представлений о добре и зле не легализована, и, следовательно, не может подлежать правоприменению, поскольку нормы морали не являются инструментом правового регулирования. И в силу этого, раскрытие добросовестности исключительно через морально-нравственные понятия лишает данное понятие правового содержания. Стоит заметить, что еще Л. И. Петражицкий высказал суждение, что понятия «bona fides» и «mala fides» (добросовестность и недобросовестность) этически безразличные и бесцветные величины, не обладающие нравственными элементами [15, с. 126].

Вместе с тем добросовестность одновременно выступает как многоаспектное явление: механизм противодействия нечестности, оценочное понятие, основное начало гражданского законодательства, презумпция, предел осуществления гражданских прав, позитивная гражданско-правовая обязанность [16, с. 494].

Выделяют два аспекта (стороны) добросовестности: объективную и субъективную добросовестность.

Добросовестность в субъективном смысле представляет собой незнание лица об определенных обстоятельствах (лицо не знало и не должно было знать, так называемое извинительное незнание об обстоятельствах) [17], а также осознание лицом правомерности в осуществлении своих прав и исполнении обязанностей [18, с. 13 – 14]. В. Г. Голубцов утверждает, что под субъективной добросовестностью следует понимать «такое поведение лица, которое, несмотря на разумность, осмотрительность, обычную заботливость участника гражданского оборота, принявшего все необходимые меры для получения юридически значимых сведений, тем не менее повлекло за собой состояние неосведомленности о юридически значимых фактах и обстоятельствах, повлияв на его субъективные гражданские права» [16, с. 499].

А. В. Волков считает, что добросовестность (в субъективном смысле), регламентируемая пунктом 3 ст. 1 ГК РФ, выполняющая регулятивную функцию, направлена на устранение эгоистических наклонностей участников гражданского оборота. А к недобросовестным относятся действия, когда субъект зная об обстоятельствах, дела намеренно реализовывает свои права, прикрываясь внешней законностью. За недобросовестное поведение не следует наказание, а применяются более гибкие санк-

ции, например, возмещение доходов (ст. 303 ГК РФ), возмещение вреда (статья 1103 ГК РФ), передача вещи в собственность (статья 220 ГК РФ) [2, с. 48-49].

Содержание объективной добросовестности основано на равенстве участников оборота и свободе их волеизъявления [16, с. 494] и состоит в надлежащем поведении субъекта, соответствующем требованиям, которые правопорядок предъявляет к участникам оборота (честность, порядочность) [3; 17], действия казуистически признанные добросовестными [16, с. 497] (например, согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I Гражданского кодекса РФ», добросовестным является поведение, ожидаемое от любого участника гражданского оборота, учитывающее права и интересы другой стороны, содействующего ей в получении необходимой информации).

А. В. Егоров указывает, что: «Принцип добросовестности является достаточно мощным оружием судебной практики, которая с его помощью может существенно дополнять и развивать право» [17, с. 4].

Объединяющей чертой недобросовестного поведения и злоупотребления является высокая степень оценочности, поскольку вывод о добросовестности либо недобросовестности субъекта правоотношения, о наличии злоупотребления правом может сделать только суд, рассматривающий спор.

Недобросовестное поведение, как противоположное добросовестному, предполагает не только ненадлежащее исполнение обязательств, но и такое поведение, которое законно по своей формальной стороне, что объединяет злоупотребление и недобросовестное поведение.

Рассматривая добросовестность и недопустимость злоупотребления правом в качестве принципов права, стоит отметить, что они «работают» только в условиях правовой неопределенности и отсутствии общей либо специальной нормы, регуливающей спорные правоотношения [2, с. 46].

Стоит указать, что как исследователи проблемы злоупотребления, так и цивилисты, занимающиеся проблемой добросовестности [7], видят истоки изучаемых норм в правилах античного римского права, связанных с «bona fides» (доброй совестью).

Рассматривая межотраслевое взаимодействие категорий «злоупотребление» и «добросовестное/недобросовестное поведение», в первую очередь, следует сослаться на пункт 3 статьи 17 Конституции РФ. Данная норма фактически закрепляет недопустимость (запрет) на такое осуществление прав и свобод физическим лицом, которое влечет нарушение прав и свобод других лиц, то есть не допускает злоупотребление правом. Кроме того, недопустимость злоупотребительного поведения формализована и в рамках международного права, например, в статье 17 Европейской конвенции по правам человека содержится запрет на злоупотребление правом. Таким образом, иерархически, недопустимость злоупотребления правом стоит выше, чем добросовестность.

Во-вторых, применение понятия злоупотребления правом имеет универсальный характер, поскольку оно возможно практически во всех отраслях права, в то время как добросовестность, в основном, сводится к сфере гражданского права.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что запрет злоупотребления правом является общим, доминирующим понятием, по отношению к добросовестности. Однако недобросовестное поведения нельзя назвать видом (формой) злоупотребле-

ния. В общеправовом контексте, запрет злоупотребления правом включает в себя критерий добросовестности (в объективном смысле) как один из элементов своего содержания, наряду с обеспечением баланса прав и интересов сторон, соблюдением целей правовой нормы и не допустимостью причинения вреда при реализации права.

Список литературы:

1. Фогельсон, Ю. Б. Принцип добросовестности в российской судебной практике / Ю. Б. Фогельсон // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2017. – №9. – С.103-116.
2. Волков, А. В. Соотношение принципа добросовестности и принципа недопустимости злоупотребления правом в современном гражданском праве/ А. В. Волков// Вестник Волгоградского гос. ун-та. – 2013. – Сер. 5. – Юриспруд. – №3 (20). – С. 44-50.
3. Егоров, А. В. Новые положения о добросовестности и злоупотреблении правом. Какую пользу изменения принесут на практике / А. В. Егоров// Юрист компании «Акцион право». – 2013. – №7. – URL: <https://e.law.ru/314832> (дата обращения: 14.11.2021). – Текст: электронный.
4. Богданова, Е. Е. Добросовестность участников договорных отношений и проблемы защиты их субъективных гражданских прав: специальность: 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук/ Богданова Елена Евгеньевна; Федер. гос. обр. учреждение высш. проф. образования «Рос. акад. госуд. службы при Президенте Российской Федерации». – Москва, 2010. – 63 с. – Текст: непосредственный.
5. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.11.2008 N 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83961/ (дата обращения: 14.11.2021). – Текст: электронный.
6. Федеральный закон «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 30.12.2012 N 302-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140188. (дата обращения: 14.11.2021). – Текст: электронный.
7. Ширвиндт А.М. Принцип добросовестности в ГК РФ и сравнительное правоведение / А. М. Ширвиндт// *Aequum ius*. От друзей и коллег к 50-летию профессора Д. В. Дождева. – Статут. – 2014. – С. 203-242. – Текст: непосредственный.
8. Дурново, Н. А. Злоупотребление правом как особый вид правового поведения (теоретико-правовой анализ): специальность : 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук/ Дурново Наталья Александровна; ГОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского». – Н. Новгород, 2006. – 27 с. – Текст: непосредственный.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282678 (дата обращения: 14.11.2021).–Текст : электронный.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.03.2005 N 3-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 278 и статьи 279 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца второго пункта 4 статьи 69 Федерального закона «Об акционерных обществах» в связи с запросами Волховского городского суда Ленинградской области, Октябрьского районного суда города Ставрополя и жалобами ряда граждан» [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52349 (дата обращения: 14.11.2021). –Текст: электронный.
11. Арзамасцев, М. В. Уголовно-правовая оценка осуществления субъективного права и злоупотребления им / М. В. Арзамасцев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – № 2. – С. 177-203.
12. Витрянский, В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги / В. В. Витрянский. – Москва: Статут. – 2018. – 431 с. – Текст: непосредственный.

13. Харсеева, В. Л. Иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав» как форма злоупотребления правом / В. Л. Харсеева// Теория и практика общественного развития. –2014. –№10. – С.177-179.
14. Грибанов, В. П. Осуществление и защита гражданских прав/ В. П. Грибанов. –Москва: Статут, 2001. – 411 с. – Текст: непосредственный.
15. Петражицкий, Л. И. Права добросовестного владельца на доходы с точек зрения догмы и политики гражданского права/ Л. И. Петражицкий. – Москва: Статут, 2002. – 248 с. – Текст: непосредственный.
16. Голубцов, В. Г. Субъективная добросовестность в структуре общего понятия добросовестности/ В. Г. Голубцов // Вестник Пермского университета. – 2019. –Юридические науки. – №45. – С. 490-518.
17. Егоров, А. В. Принцип добросовестности в Гражданском кодексе РФ: первые шаги реформы/ А. В. Егоров// Legal Insight . – 2013.– №2(18). – С.4-10.
18. Дроздова, Т. Ю. Добросовестность в российском гражданском праве: специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук/ Дроздова Татьяна Юрьевна; Байкальский гос.ун-т экономики и права. – Москва, 2005. – 25 с. – Текст: непосредственный.

Luzik A.A. Concerning the relationship between the categories of abuse of law and good faith // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 244-251.

On the basis of the analysis of the provisions of the legislation, doctrinal judgments of domestic legal scholars, the correlation of the categories “good faith / bad faith” and “abuse” in law is investigated and a conclusion is made about three possible variants of their correlation. On the example of the norms of family, labor and criminal legislation, the issues of the sectoral application of the concept of abuse are disclosed and it is noted that, despite the legislative brevity in securing the prohibition of abuse, this category has found sufficient application in practice. The specificity of the principle of conscientiousness in civil law is also analyzed, its objective and subjective sides are noted, and the understanding of conscientiousness as a moral and moral category is assessed. The intersectoral interaction of the categories of "abuse" and " bad faith" is considered, aspects that are unifying for these legal phenomena are highlighted, a conclusion is made about the universality of the application of the prohibition of abuse of law.

Key words: abuse of law, good faith, bad faith, principle of law, presumption of good faith, legal category, lawful behavior, exercise of law.

Spisok literatury:

1. Fogel'son, YU.B. Princip dobrosovestnosti v rossijskoj sudebnoj praktike / YU.B. Fogel'son// Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii. –2017. –№9. – S.103-116.
2. Volkov, A. V. Sootnoshenie principa dobrosovestnosti i principa nedopustimosti zloupotrebleniya pravom v sovremennom grazhdanskom prave/ A.V. Volkov// Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. – 2013. – Ser. 5. – YUrisprud. – №3 (20). – S. 44-50.
3. Egorov, A. V. Novye polozheniya o dobrosovestnosti i zloupotreblenii pravom. Kakuyu pol'zu izmeneniya priniesut na praktike / A.V. Egorov// YUrist kompanii «Aktion pravo». –2013. –№7. – URL: <https://e.law.ru/314832> (data obrashcheniya: 14.11.2021). –Текст : электронныj.
4. Bogdanova, E. E. Dobrosovestnost' uchastnikov dogovornyh otnoshenij i problemy zashchity ih sub"ektivnyh grazhdanskih prav: special'nost' : 12.00.03 «Grazhdanskoe pravo; predprinimatel'skoe pravo; semejnoe pravo; mezhdunarodnoe chastnoe pravo»: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk/ Bogdanova Elena Evgen'evna; Feder. gos. obr. uchrezhdenie vyssh. prof. obrazovaniya «Ros. akad. gosud.sluzhby pri Prezidente Rossijskoj Federacii». – Moskva, 2010. – 63 s. – Текст: neposredstvennyj.
5. Informacionnoe pis'mo Prezidiuma VAS RF ot 25.11.2008 N 127 «Obzor praktiki primeneniya arbitrazhnymi sudami stat'i 10 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83961/.
6. Federal'nyj zakon "O vnesenii izmenenij v glavy 1, 2, 3 i 4 chasti pervoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii" ot 30.12.2012 N 302-FZ (poslednyaya redakciya) [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140188/.
7. Shirvindt, A. M. Princip dobrosovestnosti v GK RF i sravnitel'noe pravovedenie / A.M. SHirvindt// Aequum ius. Ot druzej i kolleg k 50-letiyu professora D.V. Dozhdeva. – Statut. –2014. – S. 203-242.
8. Durnovo, N. A. Zloupotreblenie pravom kak osobyj vid pravovogo povedeniya (teoretiko-pravovoj analiz) : special'nost' : 12.00.01 «Teoriya i istoriya prava i gosudarstva; istoriya uchenij o prave i gosudarstve»:

- avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk/ Durnovo Natal'ya Aleksandrovna; GOU VPO «Nizhegorodskij gosudarstvennyj universitet im. N.I.Lobachevskogo. – N. Novgorod, 2006. – 27 s. – Tekst: neposredstvennyj.
9. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 14.11.2017 № 44 «O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva pri razreshenii sporov, svyazannyh s zashchitoj prav i zakonnyh interesov rebenka pri neposredstvennoj ugroze ego zhizni ili zdorov'yu, a takzhe pri ogranichenii ili lishenii roditel'skih prav» [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282678/.
10. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 15.03.2005 N 3-P «Po delu o proverke konstitucionnosti polozenij punkta 2 stat'i 278 i stat'i 279 Trudovogo kodeksa Rossijskoj Federacii i abzaca vtorogo punkta 4 stat'i 69 Federal'nogo zakona «Ob akcionernyh obshchestvah» v svyazi s zaprosami Volhovskogo gorodskogo suda Leningradskoj oblasti, Oktyabr'skogo rajonnogo suda goroda Stavropolya i zhalobami ryada grazhdan» [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52349/.
11. Arzamascev, M. V. Ugolovno-pravovaya ocenka osushchestvleniya sub"ektivnogo prava i zloupotrebleniya im / M. V. Arzamascev // Pravo. ZHurnal Vysshej shkoly ekonomiki. –2021. –№ 2. – S. 177-203.
12. Vitryanskij, V. V. Reforma rossijskogo grazhdanskogo zakonodatel'stva: promezhutochnye itogi / V.V. Vitryanskij. – Moskva: Statut. – 2018. –431 s. –Tekst : neposredstvennyj.
13. Harseeva, V. L. Inoe zavedomo nedobrosovestnoe osushchestvlenie grazhdanskih prav» kak forma zloupotrebleniya pravom / V.L. Harseeva// Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. –2014. –№10. – S.177-179.
14. Gribanov, V. P. Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskih prav/ V.P. Gribanov. –Moskva: Statut, 2001. – 411 s. –Tekst : neposredstvennyj.
15. Petrazhickij, L. I. Prava dobrosovestnogo vladel'ca na dohody s tocek zreniya dogmy i politiki grazhdanskogo prava/ L.I. Petrazhickij. –Moskva: Statut, 2002. – 248 s. –Tekst : neposredstvennyj.
16. Golubcov, V. G. Sub"ektivnaya dobrosovestnost' v strukture obshchego ponyatiya dobrosovestnosti/ V.G. Golubcov // Vestnik Permskogo universiteta. –2019. –YUridicheskie nauki. –№45. – S. 490-518.
17. Egorov ,A. V. Princip dobrosovestnosti v Grazhdanskom kodekse RF: pervye shagi reformy/ A.V. Egorov// Legal Insight . – 2013.– №2(18). – S. 4-10.
18. Drozdova, T. YU. Dobrosovestnost' v rossijskom grazhdanskom prave : special'nost' : 12.00.03 «Grazhdanskoe pravo; predprinimatel'skoe pravo; semejnoe pravo; mezhdunarodnoe chastnoe pravo»: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk/ Drozdova Tat'yana YU'evna; Bajkal'skij gos.un-t ekonomiki i prava. – Moskva, 2005. – 25 s. – Tekst: neposredstvennyj.